

этим анализ эксцерпированного материала), а также лексикографические источники (толковые и двуязычные словари, словари языка писателя и т.д.). При этом исследователями не учитывался тот семантический объем слова, который оно приобретает в живом «действующем» языке, на разных уровнях существования языка, возможности появления формальных и семантических вариантов слова в диалектах, в устной речи и т.д. Следовательно, как писал академик В.В. Виноградов, «...субъективные свидетельства современников о семантическом строе слова, о восприятии его в ту или иную эпоху должны быть процежены через сито исторических фактов», при описании тюркизмов в русском языке недостаточно ограничиваться определенными хронологическими рамками – важно учитывать «жизнь» слова на всех уровнях языка, на всех этапах его развития и даже интереснее наблюдать, какую семантическую и внешнюю «окраску» они приобрели в русском языке на рубеже веков.

Уникальным источником выявления тюркизмов в современном русском языке является Национальный корпус русского языка, который, по мнению известного казахстанского ученого Э.Д. Сулейменовой, до сих пор не в полной мере используется отечественными лингвистами. «Корпус – это электронное собрание текстов, размеченное таким образом, чтобы в нем можно было быстро найти слова и конструкции с заданными грамматическими и другими интересными лингвисту свойствами» [1, с. 8]. Национальный корпус русского языка уже разработан лингвистами – специалистами по корпусной лингвистике и размещен на сайте www.ruscorpora.ru. Как видно из определения, на смену «устаревших» методов сбора языкового материала и обработки информации приходят «новые» – «комплексные», учитывающие функционирование языка, языковых единиц или слова на определенном этапе (или этапах), во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов.

Совсем недавно Э.Д. Сулейменова, выступая на пленарном заседании II международного конгресса «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии» (Астана, 2009), отмечала: «Для основной массы исследований последних десятилетий характерна органичная связь с теорией коммуникации, теорией референции, семиотикой, культурологией, социологией, поэтикой, когнитивными науками, герменевтикой и другими науками, что, с одной стороны, позволяет анализировать русский язык с новых позиций и с помощью нового метаязыка, с другой стороны, – делает казахстанскую русистику адекватной современной парадигме мировой лингвистики и науки в целом. Вместе с тем следует отметить и некоторое отставание казахстанской русистики, крайне редко прибегающей в своих исследованиях к богатейшим ресурсам корпусной лингвистики (в частности, фрагментарно используется Национальный корпус русского языка

www.ruscorpora.ru)» [2, с. 20]. Важность и необходимость обращения лингвистов при изучении истории того или иного слова к Национальному корпусу русского языка обосновывается тем, что, как отмечает В.А. Плунгян, «в корпус попадают образцы практически любого существующего в русском языке письменного дискурса – от статьи современного музыкального критика до инструкции по уходу за кактусами, от рассказов Пелевина до справочника по физике» [1, с. 8].

Как отмечают разработчики, «национальный корпус предназначен в первую очередь для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов – от одного до двух столетий. Другая задача корпуса – предоставление всевозможных справок, относящихся к указанным областям (лексика, грамматика, акцентология, история языка)» [3].

Итак, данный корпус позволяет нам максимально выявить тюркизмы в современном русском языке, на материале, отобранных из всех созданных в настоящий момент подкорпусов, пронаблюдать насколько данные, когда-то заимствованные иноязычные слова, адаптировались в языке, и какие семантические трансформации они пережили. Например, такие тюркизмы, как *алмаз, палач, кандалы, кольчуга, лачуга* адаптировались в лексической системе русского языка в такой степени, что без опоры на этимологические источники «с первого взгляда» порой трудно определить их иноязычность, чужеродность. Так, слово «алмаз» – «прозрачный, преимущественно бесцветный драгоценный камень с сильным блеском, самый твердый из всех минералов» [4, с. 8] известен любому русскому человеку, а история его вхождения в русский язык современниками давно позабыто.

«Историко-этимологический словарь современного русского языка» свидетельствует, что «алмаз» в значении «прозрачный драгоценный камень, отличающийся необыкновенной твердостью» употребляется в украинском, белорусском, болгарском языках. В других славянских языках *алмаз* называют *диамантом* (в серб., хорв., чеш., польск. языках), примечательно то, что в немецком, французском, английском, итальянском, испанском языках также существует подобное слово, восходящее к позднелатин. *diamas* [5, с. 38].

Между тем, в памятниках русской письменности слово «алмаз» с вариантом «олмаз» встречается с XV в. Например, в «Хождении» Афанасия Никитина (по Троицкому списку):

«В Рачюре же родится алмазь» (л. 382 об.); «да на шапкѣ... алмазь великы» (л. 385); «а в Курьли же алмазьниковъ триста» (л. 390 об.) [5, с. 38].

В XVII веке слово «алмаз» активно употребляется в русском языке и приобретает большой словообразовательный потенциал. Об этом мы узнаем из «Словаря русского языка XI-XVII вв.» и Картотеки ДРС:

А по краям и берегам морским драгоценных камней - акинфов, алмазов... - добре много (Сказ. Роск. Житии, 40. XVII в.).

Аще воин тотъ камень олмазь на лѣвои странѣ носить или во оружии или во иных платяхъ тогда опасень бываетъ от своихъ супостатъ (Травник Любч., 653. XVII в. ~ 1534 г.).

Как отмечает П.Я. Черных, данное слово в русский язык «пришло» с Востока: оно зафиксировано в арабском, персидском, афганском, турецком языках в различных графических вариантах, однако на Востоке и на Кавказе оно не является исконным. Первоисточником оказывается греческое слово *αδίαζ*, род. *αδίαντος* – «несокрушимый», которое в свою очередь восходит к латинскому *adamās*, обозначающему «алмаз», а также «твердый металл» [5, с. 38]. Таким образом, «это слово из Греции было занесено на Восток, позже усвоено арабами (по своему осмыслившими это слово) и при их посредстве получило широкое распространение в ближневосточных странах, откуда – в преобразованном виде – вернулось в Европу. Каким образом это слово попало в русский язык, сказать трудно. В «Хождении» Афанасия Никитина оно, может быть, из персидского языка. Но и в тюркских языках это слово (заимствованное из арабского) известно с давнего времени и из тюркских языков могло попасть в русский. Дмитриев <...> относит его к «тюркизмам, требующим дополнительной аргументации» [5, с. 38].

В.И. Даль представляет следующее толкование: «первый по блеску, твердости и цѣнности изъ дорогихъ (честны́х) камней; адамантъ, брилiантъ» [6, с. 11]. Интересно то, что в современном русском языке зафиксировано только одно производное слово – *алмазный*, об этом можно судить по «Комплексному словарю русского языка» (например, *алмазный перстень*), в то время, как в XVII-XIX вв. слово

«алмаз» имел несколько словообразовательных моделей, оканчивающихся преимущественно на суффиксы *-ень*, *-ец*, *-ник*, *-щик*, обозначающих некое действие, величину (размер) предмета и лицо (человека). Например:

А покупають они алмазь сами у нѣмецъ на алмаженье и на розрѣзъ камня дорогою ценою (Вед. о Кит. Зем., 28. 1669 г.); Степану олмашуку за олмаженье отъ 5 камней (Заб. Мат. I, 18. 1629 г.);

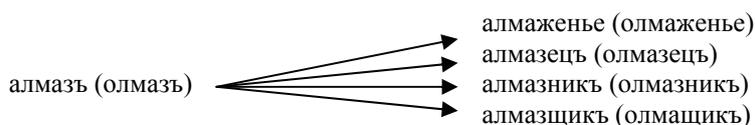
Запона съ финифты, а в ней алмазецъ червчатъ (Оп. Им. Тат., 36. 1608 г.); Перстень золотъ гладкой, а въ немъ олмазецъ не великъ (АИ II, 406. 1612 г.).

А егда его [камень рубинос] выкопываемъ, тогда невелику в себѣ черность содержит: а егда олмазникъ лице наложит, тогда онъ свѣтель будет (Травник Любч., 706. XVII в. ~ 1534 г.); Антону Минстеру работному и алмазнику дано кормовыхъ денегъ на 3 мѣсяцы по 30 гулденъ (ДАИ V, 231. 1667 г.).

Степану олмашуку за олмаженье отъ 5 камней (Заб. Мат. I, 18. 1629 г.); Да торговые люди кашевецъ Козма Ивановъ, алмазщикъ Иванъ Кириловъ, смотри камени яхонта, сказали, что купцовъ на него въ Московскомъ государствѣ не будеть (ДАИ X, 372. 1695 г.).

Приведенные примеры показывают, что тюркские слова довольно успешно функционируют на страницах древних текстов, образуя словообразовательные гнезда, где даже сами производные слова «подвергаются» процессу вариативности. Данный факт еще раз подтверждает успешное, активное функционирование тюркских слов в Древней Руси.

Деривативная активность анализируемого слова в русском языке древне- и среднерусского периода свидетельствует об его успешном функционировании на протяжении нескольких веков. Таким образом, гнездовым способом можно показать вариативность самого деривационного материала:

В.И. Даль приводит и другие примеры употребления слова «алмаз» в XIX веке: «*Это алмазецъ порядочный; это алмазикъ годный; это алмазика дрянной; а вот алмазице царскій*». «*Алмазистый, алмазовидный, подобный ему, сходный съ нимъ*». По данному словарю мы узнаем, что *алмазникъ* – это «торгующий честны́ми камнями», а *алмазчикъ* – это «брилiантчикъ, ювелирь, кто гранить алмазы или оправляетъ дорогие камни» [6, с. 11]. В современном русском языке слова *алмазник*, *алмазчик*, *алмаженье* вышли из обиходного употребления, по всей видимости, их заменили слова *ювелир*, *мастер*, *стеклольщик*.

Е.Н. Шипова в «Словаре тюркизмов в русском языке» пишет: «<...> Огиенко считает *алмаз* древним иранским заимствованием тюрков (1915, 31). К тюркам слово *алмаз* попало от арабов

(из греч.), впервые упоминается в Cod.Cum (Дмитриев, 1958, 38). Радлов *алмас* (тел., каз., кирг., казан., ком., кар.) 1. драгоценный камень; 1. сталь <...> 6. алмас (тел., каз., казан., тоб.) диамант (*jalmas*) [7, с. 30].

Таким образом, «сложный путь» слова «алмаз» в русский язык можно показать в виде следующей схемы: *латинский язык* → *греческий язык* → *арабский (или персидский)* → *тюркские языки* → *славянские языки (русский, украинский, белорусский, болгарский)*, однако и эта «карта» путешествия слова несовершенна, гипотетична, и требует дальнейших научных разысканий. Очевиден тот факт, что слово «алмаз» значительно пополнил лексический фонд современного русского языка, оно активно употребляется и даже является «самым первым» предметом для вдохновения, сравнения и восхищения, что

можно представить иллюстративными материалами из поэтического корпуса русского языка:

«Бесценный алмаз, оброненный в ночи, Раб ищет при свете грошовой свечи, Но зорко он смотрит по пыльным дорогам, Он ковшиком держит сухую ладонь, От ветра и тьмы ограждая огонь – И знай: он с алмазом вернется к чертогам» (И.А. Бунин. Поэту (1915.08.27)).

«Горит алмаз, блестят короны, И вокруг соборов и дворца, Как юных листьев миллионы, Обращены к тебе сердца» (А.А. Фет. 15 мая 1883 года (1883.05.00)).

«Дорида милая, к чему убор блестящий, Гирлянды свежие, алмаз, огнем горящий, И ткани пышные, и пояс золотой, Упругий твой корсет, сжимающий собой Так жадно, пламенно твои красы молодые, Твой стройный, гибкий стан и перси наливные? (А.Н. Майков. Дориде (1840.10.07)).

«В дали я видел сквозь туман, В снегах, горящих как алмаз, Седой, незыблемый Кавказ; И было сердцу моему Легко, не знаю почему» (М.Ю. Лермонтов. Мцыри (1839)).

«У русского царя в чертогах есть палата: Она не золотом, не бархатом богата; Не в ней алмаз венца хранится за стеклом: Но сверху до низу, во всю длину, кругом, Своєю кистию свободной и широкой Ее разрисовал художник быстро-окой» (А.С. Пушкин. Полководец (1835)).

«Румян французских штукатурка; Шатер, не шляпа на плечах; Под шалью тощая фигура, Вихры на лбу и на щеках, Одежды легкой подозренье; На перстне в десять крат алмаз: Все это смертным в удивленье, По свету возят на показ В карете модно-золоченой И называют — Альтидоной!» (В.А. Жуковский. «Румян французских штукатурка...» (1806)).

Итак, тюркизмы в функциональном и количественном отношении составляют заметный пласт в лексической системе русского языка, многоаспектное

исследование их дает ценный материал для тюрко-славянской контактологии и в целом для исторической лексикологии русского языка. А богатый языковой материал, собранный в Национальном корпусе русского языка, позволит изучать историю тюркского слова в русском языке на рубеже нескольких веков: с XI по XXI вв.

1. Плунгян В.А. Зачем нужен национальный корпус русского языка? Неформальное введение / Сайт Национального корпуса русского языка: www.ruscorpora.ru. – С. 7.

2. Сулейменова Э.Д. Новые научные парадигмы в казахстанской науке о русском языке // Сб. мат-лов II международного конгресса «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии». – Астана: ИД «Сары-Арка». – С. 20.

3. Сайт НКРЯ: www.ruscorpora.ru

4. Комплексный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Рус.яз.-Медиа, 2005. – С. 8.

5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз.-Медиа, 2006. – Т.1. – С. 38

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.1: А-З. – М.: Рус.яз.-Медиа, 2006. – С. 11.

7. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1976. – С. 30.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

Травник Любч. – Травник (Лечебник), перевод Немчина Николая Любчанина [Булева], 1534 г. – Рукоп. ГИМ, Увар., № 387 (1), Царск. № 615). XVII в. [Hortus Sanitatis. Strasburg, 1490].

Заб. Мат. I – Материалы для истории, археологии и статистики города Москва, собранные и изданные руководством и трудами И. Забелина. Ч. 1. М., 1884. XVII-XVIII вв.

Оп. им. Там. или *Он. Там.* – Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева во 116 году // Врем. ОИДР, 1850. Кн. 8, смесь. С. 1-40. 1608 г.

ДАИ V – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. V. СПб., 1853. 1665-1674 гг.

ДАИ X – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. X. СПб., 1867. 1682-1683 гг.

Х. Афан. Никит. или *Аф. Ник. Хожд. за три моря* – Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг. / Под ред. Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1948, сп. XVI-XVII вв.

Н. И. Гайнуллина

РЕЦЕНЗИЯ

М.И. Лазариди. ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ В ПОЛЕВОМ ОПИСАНИИ: номинативно-функциональный аспект. Монография. – Москва – Воронеж, 2010. – 348 [2] с.

XX век, открывший век семантики в языкознании, сделал данное направление одним из приоритетных и в начале XXI столетия, обогатив при этом семасиологические и связанные с ними ономазиологические исследования присутствием человека в языке, «человеческим фактором», как принято теперь говорить о таком подходе к изучению языковых явлений, породившем антропоцентри-

ческий взгляд на любую решаемую на современном этапе лингвистическую проблему. Несмотря на повышенное внимание к таким подходам к фактам языка, наука отмечает наличие многих лакун, требующих своего заполнения не только материалом исследования, но и необычным взглядом на него со стороны интерпретатора языкового материала. Постепенному заполнению таких лакун во многом

способствовал разработанный в русском языкознании прошлого столетия функционально-семантический подход, в качестве основной лингвистической категории выдвинувший понятие функционально-семантического поля (ФСП), благодаря которому языковые единицы всех уровней зримо предстают как системное языковое пространство, парадигматически организованное по типу группировок, объединений единиц, взаимосвязанных между собой разнонаправленными отношениями, помогающими увидеть такие взаимосвязи. Среди ряда основополагающих работ, выполненных в этом направлении, ставшем теперь уже классическим, в свое время была интересная работа доктора филологических наук, профессора из Киргизии Миланы Исааковны Лазариди «Функционально-семантические поля психических состояний в современном русском языке» (Бишкек, 2000), в то время существенно закрывшая брешь в исследовании одной из наиболее антропоцентричных по своей природе и наименее разработанных в русистике лексико-семантических групп «психические состояния человека» (см. нашу рецензию на нее: Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая, № 12 (46). – Алматы, 2001).

И вот сейчас перед нами новое интересное, оригинальное исследование профессора М.И. Лазариди «Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект» (Москва – Воронеж, 2010. – 348 с.), в котором предложен несколько иной, чем прежде, - *ономасиологический* ракурс анализа языковой репрезентации психических состояний и потому расширяющий и углубляющий ранее вышедшую работу исследователя. Сам предмет монографического описания – психические состояния и их вербализация в языке – представляет, по общепринятому мнению, весьма сложный феномен, присущий именно, человеку говорящему, мыслящему и чувствующему, что вдвойне делает ценным предложенное исследование.

Рецензируемая книга, кроме традиционных в таких случаях Введения и Заключения, содержит четыре главы: «Номинативно-функциональное поле как лингвистическая проблема» (с. 23-99), «Категориальные признаки номинантов психического состояния» (с. 100-157), «Структурирование номинативно-функциональных полей психических состояний в современном русском языке» (с. 158-271), «Функционирование средств выражения психических состояний в художественных и эпистолярных текстах» (с. 272-311), сами названия которых говорят о направлении изучения ФСП «психические состояния», связанные с разносторонним его анализом и описанием.

Отталкиваясь от сложившегося в науке представления о ФСП в теоретических работах А.В. Бондарко и его последователей и единомышленников, автор монографии правомерно подчеркивает мысль о «сложности системной организации поля, зыбкости его границ, труднообъяснимости многих явлений», которые вызывают

необходимость «привлечь достижения и семасиологических, и ономасиологических исследований» (с. 23). Исходя из этой ключевой мысли, М.И. Лазариди именно так, комплексно, строит свое собственное описание с опорой на макроконцепт «психическое состояние», определяя его лингвистическое структурирование (с. 59-82) с подробным анализом состояния и действия в данной структуре номинативно-функционального поля (с.82-93), состояния и свойства в структуре номинативно-семантического поля (с.93-99). Благодаря такому комплексному взгляду на лингвистическую категорию «психическое состояние», последняя предстает в работе в виде номинативно-функционального поля, «в основе которого лежит система большого объема лексико-синтаксических средств языка, объединенных на основе инвариантного смысла» (с. 99). Такой теоретический вывод представляется весьма убедительным и доказательным, ибо подтвержден большим фактическим материалом, вербализованным лексическими (лексико-фразеологическими) (*грусть/грустить, стыд/стыдиться, злость/злиться; страх обьял, обезумел от страха, глаза разгорелись* и т.п.), синтаксическими единицами, в том числе конверсивами типа *Он скучает. – Он испытывает скуку*, и словообразовательными (*кичиться - кичливость, беспокоиться – беспокойство – обеспокоен – беспокойно*) единицами.

На основе ономасиологического описания категории «психические состояния», одновременно выступающей в роли соответствующего макроконцепта, сигнализирующего о таких психических состояниях, автор монографии выделяет и описывает такие наиболее частотные, а следовательно, базовые психические состояния, как *гнев, печаль, страх, радость, отвращение, удивление, стыд, любовь, презрение*. Здесь обращают на себя внимание те страницы работы, на которых представлен анализ глубинных и поверхностных структур при выражении психических состояний и их соотношение при экспликации разными средствами языка (с. 122 и след.).

Достоинством рецензируемого труда является умение автора моделировать фактический материал, исходя из парадигматически заложенных свойств языковых единиц, призванных выражать психические состояния человека. Особенно это представлено в главе третьей (с. 158-271), где каждое из указанных выше базовых психических состояний нашло свою экспликацию через лексическую (*беспокоиться/беспокойство/беспокойно, волноваться/волнение/волнительно, тревожиться/тревога /тревожно* и т.п.), наречно-предикативную (*Мне беспокойно*), субстантивную (*У меня беспокойство*), предложно-падежную (*Я в беспокойстве*), причастную (*Я обеспокоен*), адъективную (*Я беспокоен*), метафорическую (*Меня охватывает беспокойство*) и др. модели, подтвержденные богатыми фактами их применения в речевой практике носителей русского языка. Такой набор моделей, по наблюдениям ученого, свидетельствует о богатейших возмож-

ностях языка передавать широчайший диапазон психических состояний, наглядно продемонстрированный в виде рисунка 2.1 (с. 101), на котором автором сконцентрированы важнейшие типы таких состояний, как: **эмоциональные** (эйфория, радость удовлетворение, печаль, меланхолия, тревога, психическая адаптация, паника), **тензионные** (паника, стресс, одиночество, сенсорный голод, фрустрация, разрешение, напряжение), **активационные (активность)** (возбуждение, вдохновение, интуиция, подъем, сосредоточенность, рассеянность, скука, апатия), **тонические (тонус)** состояния (бодрствование, монотонность, пресыщение, утомление, переутомление, сонливость, сон, сновидения).

В процессе описания на протяжении всего исследования психических состояний и их репрезентации многообразными языковыми средствами ощущается тонкое авторское восприятие и понимание смысловых нюансов, передаваемых, особенно лексическими средствами языка. Помогает в этом прекрасно подобранный иллюстративный материал из художественной, художественно-публицисти-

ческой литературы, а также из области других типов дискурсов, в частности эпистолярного, дневникового и т.п., в которых в наибольшей степени наглядности проявляется репрезентативная функция огромного корпуса номинативных единиц, применяемых для выражения внутреннего состояния человека (особенно см.: гл. 4, с. 272-311). Для иллюстрации привлекаются сложнейшие для восприятия любым читателем и весьма непростые для исследователя образцы мировой классики в виде романов Ф.М. Достоевского «Бедные люди» и «Игрок», повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», а также материалы переписки Р.М. Рильке, Б. Пастернака, М. Цветаевой, в большинстве случаев впервые вводимые в научный оборот и также впервые описанные с позиций новой – антропоцентричной, когнитивной в своей основе – лингвистической парадигмы, в центре которой стоит языковая личность. Именно эти акценты исследования М.И. Лазариди ставят ее научный труд в ряд актуальных работ, выполненных в русле новых течений, возникших в языкознании на стыке XX-XXI столетий.

Л. Е. Дальбергенова

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СОЮЗОВ *WEIL, DA, DENN*

Данная статья нацелена на изучение коммуникативно-прагматических функций союзов *weil, da, denn* в категориальных ситуациях в художественном тексте. С целью выявления коммуникативно-прагматических функций каузальных языковых единиц, нам представляется необходимым изучение текста как основной единицы речевой коммуникации, а также рассмотрение категориальных ситуаций каузальности. Каждый отдельно взятый текст «не что иное, как речь, если понимать под ней не процесс, деятельность, а её результат, т.е. её речевое произведение... Термин текст может использоваться как синоним понятий «речевое произведение», «единица речи»[1].

Именно в текстах художественного жанра отражается состояние языка в его динамическом аспекте. Анализируя и исследуя типы и разновидности категориальных ситуаций каузальности мы попытаемся выявить оттенки причинной семантики, выявить смысловую информацию, передаваемую каузальными языковыми единицами, а также рассмотрим причинную зависимость в скопсе диктума и модуса. Критерием определения границ контекста для нашей работы послужило употребление на одном участке текста элементов, объединённых общим

семантическим значением каузальности, либо входящих в одно семантическое (тематическое) поле и образующих, таким образом одно смысловое целое.

Прагматика – реальная ситуация общения, которая определяет смысл высказывания, обуславливает выбор языковых средств для реализации коммуникативной задачи замысла, намерения автора высказывания и обеспечивает правильное понимание и оценку высказывания слушающим. Прагматика дает возможность анализировать тончайшие оттенки реального, употребление языковых единиц в разнообразных формах и разновидностях речи, а так же выделение и рассмотрение единиц языка в их отношении к процессу общения, т.е. к конкретным лицам, пользующихся языком, к конкретной внелингвистической ситуации, к целям и задачам конкретного высказывания. [2: 159-168]. Благодаря прагматике выбор языковых средств определяется мотивом и целевой установкой говорящего, правильным пониманием высказывания слушающим.

Речедействие или речевое поведение – это инструмент намерений говорящего, производящего этот речевой акт, способ осуществления его воли. Высказывание отнесено говорящим к тому или иному предмету как референту, и этот акт ре-

ференции сопровождается актом приписывания референту каких-то свойств. Строится выражаемая в высказывании пропозиция как мыслительная структура, соотносимая с тем или иным фрагментом действительности. Под пропозицией мы понимаем вслед за Арутюновой Н.Д. «языковое воплощение некоего положения дел в действительности, ситуации» [3: 9]. Пропозиция часто отождествляется с понятием пропозиция диктум [4: 81-82].

Термин *модус* и *диктум* были введены в лингвистику Ш. Балли. Под диктумом он понимал часть предложения, "коррелятивную процессу, образующему представление", т.е. представление о событии-денотате, под модусом — "выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом", т.е. так или иначе выраженное отношение говорящего к событию-денотату [5: 44]. В современных лингвистических исследованиях понятие диктума не вызывает споров, поскольку диктум (диктумное событие) соотносится с объективной реальностью, т.е. это объективная информация о каких-либо фактах, событиях, положении дел. Диктум — "это основное сообщение, референтом которого является некоторое отражение дел той реальности, которая отображается в речи" [6: 34]. Субъективная интерпретация определенных событий и фактов является модусом. Модус (модусный компонент) — это психические операции, производимые мыслящим субъектом над представлением объективной действительности. Наиболее широко понимание модуса представлено у В.В. Гака. По его мнению, модус "отражает то, что говорится о диктуме, кем, когда, кому, с какой целью, в каких условиях" [7: 21-26]. Модус может выражаться вербально (эксплицитный модус) и не иметь вербального выражения (имплицитный модус) [5].

Н.Д. Арутюнова распределяет эксплицитный модус по следующим основным параметрам:

- перцептивному (сенсорному);
- ментальному (когнитивному);
- эмотивному;
- волеизъявительному (волитивному).

К сенсорному плану, по ее мнению, принадлежат модусы чувственного восприятия: видеть, слышать, чувствовать, замечать, ощущать, слышно, видно и др. К эмотивному плану относятся модусы эмоционального состояния и отношения: грустно, жаль, противно, радостно и т.д. К ментальному плану относятся модусы, выражающие: полагание: думать, считать, полагать, казаться; сомнение и допущение: возможно, сомнительно, может быть; истинностную оценку: правда, ложь, верно; знание: знать, быть известным; незнание, безразличие: не знать, тайна, ложь; общую аксиологическую оценку: хорошо, плохо, дурно, скверно. К волитивному плану принадлежат модусы: желания и волеизъявления: хотеть, приказывать; необходимости: необходимо, нужно [8: 109].

В коммуникативно-прагматическом аспекте каузальные отношения рассматриваются как диктум и модус. Согласно Ш. Балли - предложения,

сообщающие информацию о причинной зависимости называется диктумом, а информация соотносённая с субъективным отношением говорящего называется модусом. Предложения причинной зависимости относятся к диктуму, а предложения причинного обоснования к диктум – модусу. Предложения причинного обоснования выражают обоснования субъективного мнения говорящего, а так же объяснение, оправдание или оценивание его мнения и мысли.

Каузирующую или антецедент каузального отношения, и каузируемую ситуацию, консегвент каузального отношения можно представить в виде формулы (Ant) k (Cons), где k - логическая связка, знак пропозиции каузации. Мы предполагаем, что пятиступенчатая модель текста иллюстрирует пять выполняемых условий успешной иллюции и связывает с предполагаемыми ступенями рецепции получателя:

1. Автор констатирует причинно-следственную связь, пропозицию и сообщает или утверждает о ней. Покажем данную ступень формально следующим образом:

Spr. MITT. /Ant.Cons./Empf.

2. Автор выражает своё субъективное отношение к названной пропозиции, он может оценивать его, выразить эмоциональное состояние с помощью модусов эмоционально-оценочного плана.

Spr. EINST. /Ant.Cons./Empf.

3. Автор обосновывает, аргументирует свои мысли, используя определенное явление или обстоятельство в качестве основания, причины другого явления, других положений вещей, здесь автор использует модусы ментального плана, выражающие знание, незнание пропозиции, модусы чувственного восприятия.

Spr. ARG. /Ant.Cons./Empf.

Spr. WISS. /Ant.Cons./Empf.

Spr. ÜBERZ. / Ant.Cons./ Empf.

4. Автор объясняет причинно-следственную связь, пропозицию, обоснование, используя модусы предположения.

Spr. ERKL. / Ant.Cons./

Spr. ANN. / Ant.Cons./

5. Автор мотивирует получателя к желаемым реакциям, побуждает реципиента к размышлениям, убеждает его.

Spr. INTEND. Empf. / Ant.Cons./

Spr. ÜBERZ. Empf. / Ant.Cons./

На каждой из этих ступеней отправитель может нарушать, вступать в речедействие стратегически и укреплять своё доминирующее речедействие. К средствам выражения образа автора, авторской стратегии относится и категория оценки. Она сопряжена с многоуровневым актом оценивания субъектом речи / сознания всех составляющих коммуникативной ситуации и коммуникативно-прагматического потенциала формально-содержательной организации рассматриваемых конструкций. Оценка, по мнению Смолич Н. А. наряду с другими факторами, составляющими основу содержательной

структуры причинных предложений, детерминирует их текстовое использование, реализацию собственно эстетической задачи побуждения читателя к соразмышлению, вызову у него оценочного отношения к воссозданной автором действительности [9].

Категориальная ситуация: причина - обоснование логического вывода (на основании фактов)

1. *Schliesslich beschloss er, New Bern zu verlassen, um auf andere Gedanken zu kommen, aber auch deshalb, weil seine Heimat besonders schwer von der Weltwirtschaftskrise betroffen war (N. Sparks S.9).*

Коммуникативно-прагматической установкой текста является констатив, сообщение о причине намерений персонажа. Причинно-следственная конструкция представлена здесь сложноподчинённым предложением, включающую в себя придаточное предложение цели и придаточное предложение причины, вводимое союзом *weil*. Смысловой актуализацией предложения служит социально значимое событие, а именно экономический кризис на родине. Текст начинается со СПП с постпозитивным союзом *weil*, который является формальным оператором каузальной связи между событием и поступком субъекта. Коммуникативной функцией постпозитивного союза *weil* является выражение нового, ремы, а также выражение обоснования, основанной на предметной причине, на конкретном факте. Социальное событие является причиной решения героя покинуть страну. Трансформируя данное СП в предложение с существительным *Grund* мы находим подтверждение тому, что коммуникативной функцией СП является обоснование на основе фактов.

Комплексная трансформация возможна методом пермутации, субституции, адьюнкции, номинализации

Der Grund für seinen Beschluß, New Bern zu verlassen, um auf andere Gedanken zu kommen, war die besonders schwere Weltwirtschaftskrise in seiner Heimat (N. Sparks S. 9).

Модусным актуализатором является коррелят *deshalb* в главной части СПП, а также прилагательное *besonders schwer* в придаточной части, которое выражает оценочное отношение субъекта к названному событию.

Формула: Cons/denn Ant.Mod.(schwer) (оценочн. отн.)

Трансформация возможна при сохранении предикативной части структуры, но при условии опущения коррелята.

Schliesslich beschloss er, New Bern zu verlassen, um auf andere Gedanken zu kommen, denn seine Heimat besonders schwer von der Weltwirtschaftskrise betroffen war.

SPR. MITT. /ANT. CONS./ EMPF.-ERKL.

2. *Nachdem sie wieder gegangen war, fuhr er mit seinem klapprigen Kleinlaster zu Gus. Er hielt immer bei Gus Familie an, wenn er zum Einkaufen fuhr, denn sie hatten keinen Wagen. Eine der Töchter kletterte zu ihm*

ins Führerhaus, und sie erledigten ihre Einkäufe in Capers General Store (N. Sparks S.36). Текст, повествующий о том, как и почему герой делает покупки, состоит из трёх предложений. Смысловую нагрузку несёт сложносочинённое предложение причины с союзом *denn*. Союз *denn* демонстрирует коммуникативно-прагматическую функцию основания поступка субъекта. Тот факт, что семья Гус не имела автомашины явилось основанием того, что он всегда останавливался у этой семьи. Причинная часть предложения служит сочетанию текста в общем смысле, последующее предложение даёт более полное объяснение предвзвешенно сказанному. Тематическая прогрессия развивается в трёх плоскостях: причинном, условном (*wenn er zum Einkaufen fuhr*) и временном (*immer*). Актуализационная категория времени является категорией модуса, выражающее субъективное отношение персонажа, постоянство его действий и поступков. Схематически выглядит данная диктум- модусная причинная связь следующим образом:

Cons (Mod), denn Ant.

SPR.MITT. / ANT.CONNS./ EMPF.ERKL

Трансформатизация без изменения предикативной части предложения здесь возможна в СПП с союзом *weil*. *Er hielt immer bei Gus Familie an, wenn er zum Einkaufen fuhr, weil sie keinen Wagen hatten.*

Трансформация в СПП с союзом *da* здесь нецелесообразна, поскольку это ведёт к структурно-семантическому изменению предложения.

3. *Wir schweigen und betrachten die Welt um uns herum. Ein ganzes Leben haben wir gebraucht, um das zu lernen. Es scheint, als könnten nur die Alten ohne zu reden beieinander sitzen und dennoch zufrieden sein. Die jungen, forsch und ungeduldig, müssen ständig die Stille unterbrechen. Das ist eine Vergeudung, denn Stille ist so rein. Stille ist so heilig. Sie verbindet die Menschen, denn nur wenn man sich in Gegenwart eines anderen wohl fühlt, kann man schweigend beieinander sitzen. Das ist das grosse Paradoxen (N. Sparks S. 9).*

Мы молчим и рассматриваем мир вокруг нас. Нам потребовалось целая жизнь, чтобы научиться этому. Кажется, что только пожилые люди могут сидеть рядом друг с другом, не разговаривать и быть довольным. Молодые нетерпеливы и постоянно прерывают тишину. Это пустая трата времени, ведь тишина так чиста. Тишина свята. Она соединяет людей, потому что только в обществе близкого чувствуешь себя хорошо, можно молча сидеть рядом. Это парадокс.

Коммуникативной установкой текста является повествование о природных явлениях и об отношении к ним людей. Текст содержит причинную цепь, где одна причинная конструкция является так же следствием другой причины. СПП с союзом *denn* выражает обоснование мысли, основанной на предметной причине. Автор описывает природное явление (тишина - так чиста и свята), методом редукции автор обосновывает мысль, что прерывание тишины означало бы расточительство. Диктумная связь приобретает модусный уровень повторным